

ЛЕТОПИСЕЦ

Некогда на Руси велись летописи, в которые заносились важнейшие события, происходившие в стране. Ныне роль летописцев взяли на себя аналитики. Сегодня наш собеседник - автор и ведущий программы «Постскриптум» на ТВЦ Алексей ПУШКОВ. Мы узнаем то, что остается «за кадром» передачи.

- Алексей Константинович, ваша программа пользуется устойчивой популярностью у телезрителей. Вам ведомы какие-то профессиональные тайны?

- Главная профессиональная тайна проста: не считать людей дураками. А это значит - говорить с ними на языке политической правды. Не всегда, конечно, можно сказать всю правду (я не открою секрета, если скажу, что некоторые журналисты зачастую знают больше, чем сообщают своим зрителям, слушателям или читателям). Но если есть стремление к правде, то люди это ощущают. Главное, чего мне удалось добиться, это создать устойчивую, очень надежную и постоянно растущую аудиторию, которая доверяет программе «Постскриптум». Вот, собственно, и вся тайна.

- В одном из интервью вы назвали себя диссидентом на либеральном ТВ. Поясните, пожалуйста, что вы понимали под «диссидентством» в пору, когда, кажется, все отечественные СМИ упивались свободой, предоставляли им политическим руководством России практически на всем протяжении 90-х - начала 2000 года?

- После антикоммунистической революции 1991 года у нас возникла новая тотальная идеология. Обществу были навязаны так называемые демократические либеральные представления, как прежде навязывалась коммунистическая доктрина. Новая идеология объявила «светочем» свободы и демократии США (замечу, что сегодня в самих США, не говоря уже о Европе, очень многие сомневаются в том, что Америка - «светоч»). Нам внушали, что «частная собственность, бизнес, приватизация» - все это прекрасно, а все, что государство, это отвратительно и ужасно.

При этом замалчивалось, что в Западной Европе государство имеет огромные пласты жизни, и потому-то социальная защищенность населения в странах Западной Европы намного выше, чем в США. В сознание людей внедрялась мысль о том, «что у России нет других национальных интересов, кроме тех, которые совпадают с американскими» (я почти дословно цитирую слова бывшего министра иностранных дел Козырева). Короче, новая идеологическая доктрина свелась к одному: мы должны во всем брать пример с Америки и следовать за ней.

(Окончание на стр. 2)

Пушков Алексей

ТВЕРСКАЯ, 13

27.11.04

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

(Окончание. Начало на стр. 1)
Ничего нелепее нельзя было выдумать. Совершенно очевидно, что в силу одних только географических различий у России и США не может быть идентичных интересов, а многие интересы просто сталкиваются. Посмотрите на сватку за Украину. Американцы уже заявили, что признают демократичными только такие выборы, в которых победит Ющенко, любой иной исход они объявят грубейшим нарушением прав избирателей. Это и есть «свобода и демократия»?

Новая тотальная идеология была навязана и телевидению. Многие с восторгом восприняли эту идеологию в качестве антитезы всему советскому. Но из того, что в Советском Союзе многое было плохим, еще не следует, что все, что делают США, автоматически становится хорошим. Тем не менее почти все телевидение встало на эти рельсы. На разных каналах разные политические обозреватели заговорили одним языком. Одним языком говорили Сванидзе, Киселев, Познер. И когда я пришел в 1998 году на телевидение, мне предвещали недолгую жизнь.

«Я же говорю вещи, - ужасались мои знакомые, - прямо противоположные тем, что говорят все другие обозреватели!» Я уже тогда критиковал Ельцина, я уже тогда объяснял, чем на самом деле занимается Березовский, я с самого начала взял себе за правило не держать людей за дураков.

Было забавно наблюдать, как правду о Березовском начинали говорить и другие, но лишь тогда, когда он вступал в конфликт с Гусинским. Как только это было нужно Гусинскому, нам объясняли, какой Березовский плохой. Но еще более забавно было слушать тех же обозревателей, когда Березовский и Гусинский мирились: все каналы, включая НТВ, дружно начинали славословить Березовского, доказывая нам, какой он талантливый математик, какой гениальный рыбак и дальновидный политик. Это что, демократическое телевидение? Нет, конечно. Я был диссидентом в том смысле, что исповедовал другую идеологию - идеологию государственничества, идеологию патриотическую. Вы, наверное, помните, что сама идея патриотизма в те годы превратилась в клеймо, которым метили всех, кто шел вразрез с новой тотальной идеологией. Самым расхожим и ложным лозунгом тех лет был «патриотизм - последнее прибежище негодяев»...

- Лозунг этот, вырванный из контекста, приписывался Льву Толстому. И никто не вспоминал при этом слова современника Толстого, русского религиозного мыслителя Николая Федорова, о котором Лев Николаевич был лично знаком: «Нужно понять патриотизм не как ненависть к иноверцам, а как деятельную любовь к своему страдающему народу».

- Здоровый патриотизм - это основа любой нации, любого государства, на говоря уже о великой державе. Совсем недавно я был в Дании. Попрошу сказать датчанам, что их патриотизм - это прибежище негодяев. Они вам голову отвернут! Этот народ, насчитывающий всего пять с небольшим миллионов человек, так трепетно относится к своей истории, так дорожит всем, пусть не великим, но своим, так гордится своей небольшой по размерам страной, что им могут позавидовать и большие народы. То же самое можно сказать и о государственных чинах. Самые последовательные государственники (и, к слову сказать, патриоты, поскольку одно неотделимо от другого) - американцы. Вот эти-то идеи - идеи патриотизма и необходимости крепить свое государство - я и стал проводить на телевидении в пору, когда оно упивалось своим либерализмом, а по сути - необузданным эгоизмом.

Уже в конце 90-х годов я говорил телезрителям: так называемые российские демократы - это люди, которые навязывают обществу собственное мнение, не считаясь ни с каким другим. Отсюда проистекает и проводимая ими политика: не допускать к идеологическим рычагам никого из чужаков, выдать их из политического поля, а если и подпустить, то только в качестве «мальчиков для битья», своего рода «ширмы» для демонстрации своей приверженности принципу плюрализма. В этом качестве на НТВ всегда появлялся Зюганов. Поскольку обо всем этом я стал говорить очень рано, на меня и смотрели, как на диссидента. Однако развитие общественного сознания шло в русле моей позиции. Я это чувствовал уже на рубеже 1999 - 2000 года. К этому времени стал очевиден перелом, происшедший в общественном сознании.

Практически все заклинанья, которые на протяжении предшествующего десятилетия повторяли небольшие либералы, оказались несостоятельными. Мифы о приватизации, залоговых аукционах, роли Ельцина в нашей истории - все разом обрушилось. Поражение, которое потерпели партии правой ориентации на последних выборах, - это результат обвала, происшедшего в общественном сознании. Волна, поднятая этим обвалом, накатилась на «правых» и смыла их с политической сцены.

- Но, судя по тому, что

можно сказать, что политическая сцена очистилась для постановки нового действия.

- Вы правы, телевидение по-прежнему во многом контролирует люди, которые обладали идеологической и политической монополией в 90-е годы.
- Хотелось бы услышать ваше мнение по поводу сохранения и контроля за ним бывших идеологических и политических монополистов на конкретном примере. Мне, как каждому нормальному человеку, отвратительны любые формы проявления национализма - будь то национализм русский, татарский, еврейский, какой угодно еще. Это, однако, не означает, что тема национального своеобразия, национальной самоидентификации и ментальности тех или иных народов должна замалчиваться. Какие бы инъекции ни делались сегодня России - европейские или азиатские, они растворяются в нашем культурном многообразии, климатической разности, необъятном пространстве. Растворяются в нашей «русскости». Как вы, Алексей Константинович, понимаете «русскость»?

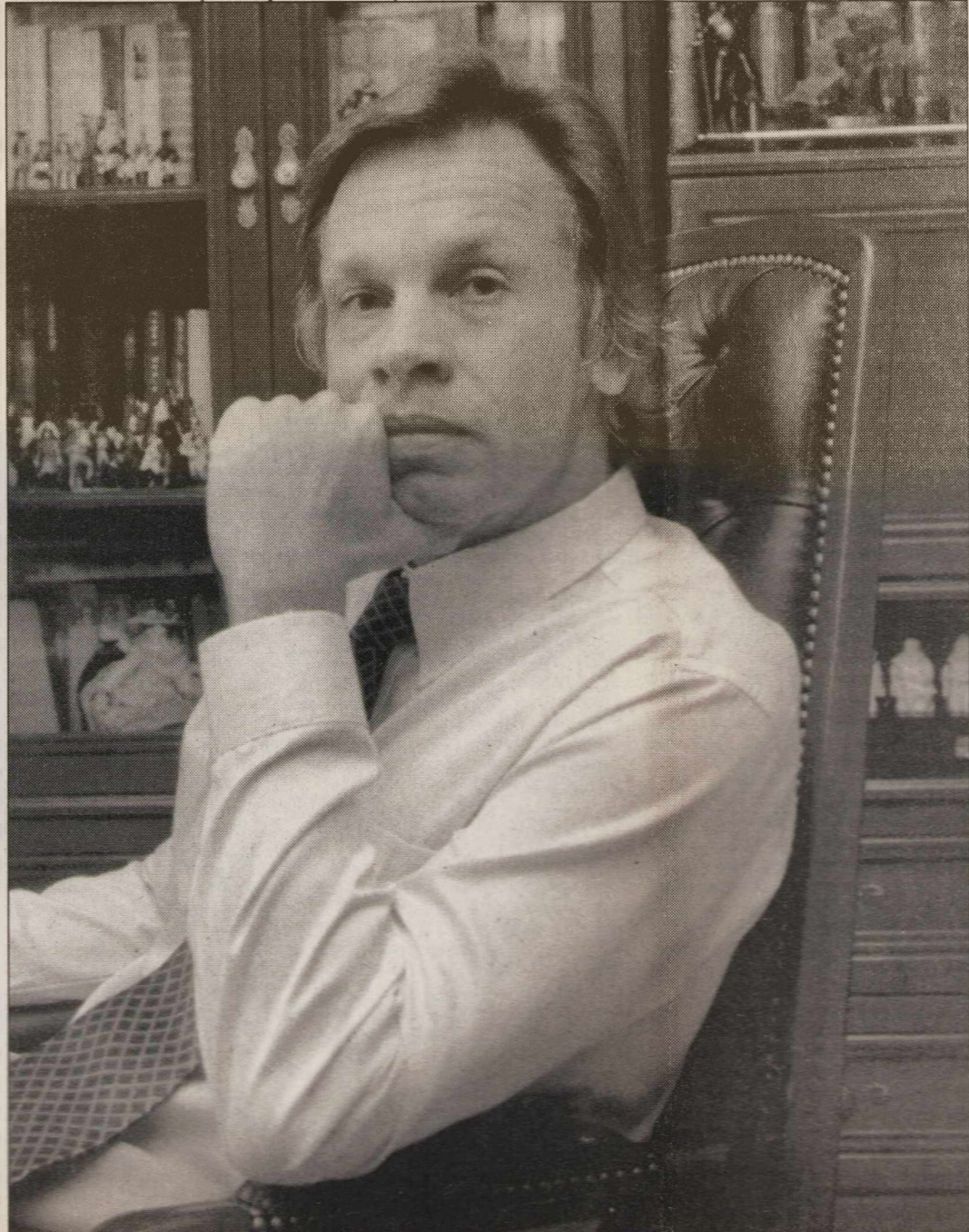
- Вопрос непростой. Почему эти инъекции так плохо принимаются? Или, учитывая опыт прошлого, скажу более определенно: прививаются, но сопровождаются при этом изнашиванием нации. Ведь западные инъекции делались России со времен Петра I, но особенно широко стали применяться с начала XX века и продолжались вплоть до недавнего времени. И марксизм, и западный либерализм - это две ветви западной идеи, исходящей из примата индустриального и технологического развития. Либералы говорят: успешное индустриальное и технологическое развитие возможно только в условиях политической демократии и рынка, предполагающего участие множества актеров, между которыми распределяется самые разные и разнохарактерные политические и экономические роли. Марксисты говорят: главное - создание мощного индустриального государства, но такое государство может возникнуть только в условиях диктатуры пролетариата, от имени которого действует узкая группа лиц, наделенная особым даром предвидения развития событий (Помните «рабочее сознание привносится в рабочий класс извне»?)

боль на себя, с одной стороны, а с другой - наше стремление сохранить свою особость, не дать себе раствориться в других народах. Мы отдельная страна, не принадлежащая ни Западу, ни Востоку, потому что находимся в Европе и Азии.

Сегодня Россия выходит на пять - шесть ключевых регионов в Евразии. Это Восточная Европа, Ближний Восток, Южная Азия (я имею в виду Ирак, Иран и Индию), Средняя Азия, Дальний Восток. У Европы нет такого выхода на крупные ре-

ровые образования. Точно так же, как и Китай. Принципиально не включаемы ни в какие мировые образования и США, а если и включаемы, то только в качестве единичного лидера. Советский Союз мог быть лидером Варшавского договора, но не включаем в другие мировые структуры, где уже был свой лидер. Появление в такой структуре второго лидера могло привести к тому, что эта структура тут же взорвалась бы изнутри.

Представьте на минуту, что Россия - крупнейшая нация в Евразии и Азии.

Тверская 8, 13 - 2004 - 27 нояб. - с. 1-2

ЛЕТОПИСЕЦ

Задача создания мощного индустриального государства ставил Ленин, эту задачу решал Сталин, такую же задачу поставил Хрущев, доведя ее до лозунга «Догнать и перегнать Америку...». Марксизм-ленинизм - это в принципе ответвление западной техницистской цивилизации, построенной на опережающем росте технологий, соревновательности, высокой производительности труда.

Но разве это единственный путь вхождения в цивилизацию? Китайская цивилизация насчитывает 5 тысяч лет. Именно там появились первые деньги, без которых немаловажно вообще никакая цивилизация, зародившаяся металлургия, были изобретены порох, бумага, началось массовое производство шелка, фарфора, множества других товаров, распространение которых по миру дало толчок развитию международной торговли. Западная техницистская цивилизация в сравнении с китайской еще очень молода: она ведет отсчет с Нидерландской революции 1566 - 1609 годов и Английской революции XVII века, открывшей доступ буржуазии к государственной власти. Но вот что интересно: если китайская цивилизация возникла и развивалась, опираясь исключительно на внутренние ресурсы, то западная техницистская цивилизация, рожденная первыми европейскими революциями, началась с захвата колоний практически по всему земному шару, откуда в метрополию широким потоком потекли природные богатства (главным образом сырье, которое и стало базой для развития промышленности).

Россия, русскость, в более широком смысле - российская цивилизация занимает в этом ряду особое место. Наша цивилизация ближе к западному миру в силу расового фактора - русские внешне такие же, как и все другие европейские народы. Сказался на развитии нашей цивилизации и общий с европейцами ареал обитания: здесь происходило постоянное движение и смешение народов, Восточная Европа то входила в состав России (позже в сферу влияния Советского Союза), то отпадала. Как бы там ни было, а Россия представляла собой некий общеевропейский котел, в котором, как двумя столетиями позже в США, происходил процесс образования нации, и эта нация не походила ни на какую другую. Собственно этим и объясняется от-

планы. Она граничит через Средиземное море с Северной Африкой и опосредованно с Ближним Востоком и Россией. Евразия, в которой доминирует Россия, является центром современного политического мира. Все крупнейшие ресурсы сосредоточены здесь. Отсюда и все мировые конфликты, которые разворачиваются внутри и вокруг Евразии.

Вы посмотрите: северокавказский кризис, Индия и Пакистан, две Германии до 1989 года, Ближний Восток, Ирак, Иран, наконец, холодная война - все это Евразия. Вот почему Россия, занимающая центральное положение в Евразии (помимо того, что она отдельная цивилизационная образование), по определению может существовать только как самостоятельная держава. Ни в каком другом качестве, как мне представляется, она не может существовать. Любая попытка лишить Россию отдельной цивилизационной сущности будет наталкиваться на ее сопротивление.

В течение 5 - 6 лет Ельцина и Козырева занимались тем, что подчиняли Россию США и Западной Европе. Ни одно из этого не получилось, и уже в 1996 году Ельцин назначил министром иностранных дел Примакова. Почему? Ельцин рассчитывал, что многочисленные уступки со стороны России приведут к тому, что Запад примет нас за «своих». Вместо этого мы получили расширение НАТО на Восток. Тем самым Запад нам сказал: мы ждем от вас и уступок, и признания в том, что мы никогда не примем вас за «своих». Для реформы России пришлось в Совет Европы, да и то только затем, чтобы на своих заседаниях учить нас, как нам жить дальше и как вести себя внутри страны и во взаимоотношениях с другими странами. Рассчитывать на большее мы были не вправе. И в ЕС, и в НАТО путь нам заказан.

Даже Ельцин, продолжая проводить в отношении Америки и Западной Европы прежнюю политику «лустить нас на Запад», назначением Примакова стал нащупывать какие-то новые, самостоятельные пути развития. При Путине это стремление обрести самостоятельность стало еще более заметно, но до времени, когда наша самостоятельность стала неким неспариваемым фактом, еще очень и очень да-

с США ядерная держава - стала членом НАТО. В НАТО точно так же чувствуется брожения полнее, чем сейчас: греки начнут ориентироваться на нас, потом еще кто-то, какие-то люди станут подыгрывать России, чтобы реализовать свои политические и экономические интересы, и т.д. Пора бы совершенно отчетливо понять: американцы никогда не пустят нас в НАТО, как никогда не пустят нас в ЕС Англия, Германия, Франция, Италия. Пока Россия остается самостоятельным центром силы, она претерпевает на себя огромный объем влияния. В умах европейцев до сих пор господствует кощмар, что Россия и США пусть не сегодня, когда наша страна слаба, но в перспективе договорятся между собой и будут править миром, а Европу опять «опустят».

Так вот русскость, о которой вы меня спросили, и есть отражение всех реалий, которые сложились исторически. Любо Россия будет и дальше существовать в качестве одного из мировых лидеров - наряду с США, объединенной Западной Европой, Китаем, Индией, отчасти Японией, либо ни в каком другом качестве: она или расколется, распадется на десяток мелких государств, или вовсе исчезнет. Поэтому не верьте, кто утверждает, будто одни только русские претендуют на какое-то свое особое место в мире. Неправда это. Американцы убеждены в том, что они занимают особое место в мире, до них немцы считали, что у них особое место, до немцев так же о своем особом месте в мире думали англичане, французы и т.д. в глубь времен, вплоть до древних римлян, персов и евреев, которые, выйдя из Египта, по праву избранного Богом народа пошли завоевывать Землю обетованную...

- Ельцин в свое время положил немало сил и средств, чтобы выработать некую общую «национальную идею». Силы и средства были израсходованы, но национальная идея так и не родилась. С чего бы это?

- Национальная идея не возникает по заказу, она может появиться только как результат естественного развития страны. В США была национальная идея. Она возникла в умах отцов-основателей вначале как убеждение, что американцы, освоив новый континент, при-

чине двухсот лет разбиралась внутри себя, что из предложенного им отцами-основателями принять, а от чего отказаться, лишь когда эти идеи стали находить все больше и больше сторонников и оформились наконец в национальную идею. США вышли со своей национальной идеей на мировую арену, предложив модель послевоенного нового миропорядка, оформленного в виде «Четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона.

Современная Россия слишком юная страна, чтобы обрести свою национальную идею искусственным путем, посадив для этого несколько консультантов и помощников Ельцина на дачу в Волыском, и не подкупиться при этом ни на какие раскоды. Это была профанация с самого начала. Даже у Путина не просматриваются контуры национальной идеи. Национальная идея, на мой взгляд, может возникнуть тогда, когда Россия определится в вопросе, какую роль она будет играть в современном мире, когда будет ясно, что она являет собой экономически, когда сумеет преодолеть свою зависимость от сырья и выйдет на передовые позиции в разработке новейших технологий и внедрения их в производство. Национальная идея обретает силу лишь тогда, когда становится идеологией всего народа, а, став идеологией, вбрасывается во внешний мир. Сегодня предельно для возникновения национальной идеи нет. Для того, чтобы такие предельно появились, Россия должна восстановить свою самостоятельность, в значительной степени утраченную при Ельцине, возродиться как великая держава. Национальная идея подобна плоду: для того, чтобы он созрел, нужно время.

- Мой последний вопрос сводится к названию вашей программы - «Постскриптум». После всего, что вы рассказали читателям нашей газеты, можете вы хотя бы в общих чертах набросать картину того, какие тенденции возобладают в мировой политике в обозримом будущем?

- Полагаю, что главный вопрос, который необходимо решить, это сумеет ли США навязать миру свою гегемонию. Буш пытается сделать это грубо, тот, кто заменит его через четыре года (не исклю-

т), будет делать это более мягкими методами, но то обстоятельство, что США еще очень и очень не скоро откажутся от привычки делить мир на друзей и врагов, представляется мне самоочевидным. Стремление к гегемонии в крови не только у американских политиков, но и рядовых граждан - я в этом не раз убеждался в ходе встреч с моими американскими друзьями. Это стремление можно назвать агрессивной гегемонией, благодушной или благонамеренной, как угодно еще, но суть понятия «гегемония» от этого не меняется.

Лучше других это чувствуют сами американцы. Ну как же, говорят они, у нас самое свободное, самое демократичное и либеральное в мире общество, мы хотим, чтобы и у вас было такое же общество. Когда их вежливо благодарят и говорят, что существуют общества, которые вполне устраивают граждан этих обществ, американцы воспринимают отказ от навязываемой ими гегемонии как вызов. «Ах, вы не хотите?» - говорят они. - Тогда мы будем вас критиковать. Продолжаете упорствовать? Мы лишим вас инвестиций. Вы и тогда не захотите жить так, как живем мы? Мы применим против вас санкции. Если же и санкции не помогут, мы сбросим на вас бомбы».

В преодолении этого «неизволимого», а по сути агрессивного стремления навязать миру собственное представление о том, что в мире правильно, а что нет, сделать мир и всех людей похожими на Америку и американцев, подчинить этот мир Америке - вот основная проблема, с которой миру придется сталкиваться на протяжении ближайших 10 - 15 лет. Пойдет ли Америка на открытый вооруженный конфликт не с одной, а сразу с несколькими странами, политический и экономический строй которых их не устраивает? Не думаю. Наряду с объединенной Западной Европой (избрание на второй срок президента Буша вызвало там настоящий шок), предпочитающей открытой конфронтации с Америкой «тихий дрейф» от нее, набирает силу и экономическую мощь Китай, который американцы уже сегодня боятся больше, чем кого бы то ни было. Китай вряд ли станет мириться с навязываемой Америкой миру гегемонией.

Другой вопрос, сломается ли в обозримом будущем сам Китай под влиянием внутренних экономических и политических реформ, которые до сих пор протекли под контролем компартии. Если Китай выветрится из под влияния КПК, там неизбежно начнется хаос, через который уже прошли многие страны третьего мира - Мексика, Бразилия, Индия с их нищетою, стихийным ростом городов, в которые устремляются в поисках работы огромные массы людей, другими бедами, которые могут коснуться и нас, посполку у Китая и России общая граница. Если же Китай удержится в рамках жестко управляемых реформ, не меняя своей политической системы, удержится достаточно долго, чтобы стать богатой страной, тогда там можно ожидать перемещения в плане плюрализма, перехода на более мягкую модель управления обществом.

Россия, к сожалению, в ближайшие годы не станет ключевой фигурой, которая будет влиять на положение дел в мире. Может быть, не станет Россия ключевой фигурой еще и потому, что она уже определилась с избраным курсом. Выбор, который России предстояло сделать при Ельцине, сегодня перед нами не стоит. Не стоит потому, что уже всем стало ясно: мы никогда не волеемся в Европу - русскость, о которой шла речь выше, причем русскость, понимаемая как совокупность наших культурных, религиозных и всех других традиций, помешает нам сделать это, будет постоянно побуждать нас искать свои, не заемные пути в будущее. Запад уже показал нам, что он не собирается принять нас в свое лоно - мы слишком большие, слишком другие, хотя в общем и целом ближе Западу, чем, скажем, пакистанцы и тем более китайцы.

Нужем китайской быть интересен Западу? Это другая раса, другая цивилизация, у них древнейшая форма государственной власти - власти императорской, которая и слишком не слыхивала ни о какой демократии. Но и Россия со своей укоревающейся русскостью для Западу не подарок. Вроде бы раса одна, культуры схожи, влияние этих культур одна на другую самоочевидны, а гляне глубже - ничего общего. Мы не такие, как люди Западу, и люди западной цивилизации не такие, как мы со своей тысячелетней цивилизацией. Может быть, это и плохо, но это факт, с которым нельзя не считаться.

Русскость, не должна входить в конфликт с началами западными, принятыми у европейцев и американцев. Но русскость не должна и приносить в жертву началам, укоревающимся на Западе. Тут важен баланс. Я считаю, что Россия вот уже лет пять как вступила на путь поиска этого баланса. Насколько мы пресуем в этом и, стало быть, насколько далеко продвинулись в своем духовном, нравственном, политическом и экономическом развитии покажут ближайшие 10 - 15 лет.